

Владимир Купченко

«Я устроился очень хорошо»

Неизвестное письмо Валентина Катаева Максимилиану Волошину

Валентин Катаев. 1932.

ми Буниных. Том 1. «Посев», 1977, с.229).

25 апреля 1919 г. Катаев прямо заявил Бунину: «За 100 тысяч убью кого угодно... Я хочу хорошо есть, хочу носить хорошую шляпу, отличные ботинки...» (И. Бунин. Окаянные дни. — Берлин, 1935, с.121).

Но вот красные оставили Одессу — и 18 октября 1919 г. Вера Николаевна Бунина в письме Волошину сообщает: «К приходу добровольцев Вы не узнали бы одеситов, 5/6 из них уже ждало добровольцев, как спасителей от большевистского владычества. И было смешно вспоминать, как одеситы весной радостно перекрашивались в красную краску, которая за лето совершенно выгорела на них, понятно, — теперь все не прочно. Из наших общих друзей Катаев теперь на добровольческом фронте в броневом поезде. А Багрицкий в Одессе, кажется, в контрразведке и все в таком же виде» (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.298).

В ранней своей автобиографии В. Катаев отчасти еще признавал себя пережатым-полем: «Гражданская война 1918—1920 гг. на Украине замотала меня в доску, швыряя от белых к красным, из контр-разведки в чрезвычайку. В общей сложности за это время в тюрьме я просидел не менее 8 месяцев» (Писатели. Автобиографии и портреты. Под ред. В.Лидина. М., 1928, с.176).

Из письма к Волошину поэта Федора Сорокина (от 16 декабря 1928 г.) мы узнаем, что в тюрьме Катаев сидел, в частности, в 1920-м — и это, по-видимому, было в Одессе: при новой встрече, «спустя несколько месяцев», Катаев собирался ввести Сорокина в круг «Зеленой лампы» и познакомил с Ю.Олешей (ИРЛИ, ф.562, оп.3, ед.хр.1136).

В позднейших его биографиях сообщалось только о службе в Красной армии — куда Катаев был мобилизован в том же 1919 году (Краткая литературная энциклопедия).

В 1922 г. Катаев перебрался в Москву — и не с пустыми руками. В мае 1922 г. в 1-м Гостеатре Украины была поставлена его «героническая комедия» «Осада», а в издательстве Л.Д.Френкеля вышел отдельным изданием рассказ «В осажденном городе».

Пьесу в одном действии «В пролете Эйфелевой башни» Катаев продал Петровскому театру в Москве (поставлена в 1923-м), две книжки прозы — в Берлин. Он активно работает в газете «Гудок» — и, судя по всему, живет безбедно. Желанием похвастаться и можно объяснить его неожиданное письмо «ответшалоу писак» (публикуется впервые):

«Дорогой

Максимилиан Александрович,

Пользуясь случаем, шлю Вам в Коктебель самый сердечный привет и братство. Я много раз собирался написать Вам, но не знал точно Вашего адреса. До нас доходят периодические слухи о Вашем приезде в Москву, но — увы — Вас все нет! Только что отсюда уехал в Берлин Толстой. Он поехал за женой и ребятами. Через месяц будет здесь. Мы много говорили с ним о Вас и вспоминали великолепные и нелепые дни, проведенные в 19 году в Одессе под сенью «Зеленой лампы». Очень хочется получить Ваши последние стихи и узнать подробно, что Вы пишете, чем интересуетесь и как живете. Здесь многие Ваши одесские друзья, в числе которых Адалис, Юрий Олеша. Я устроился очень хорошо, много пишу стихами и прозой, и надеюсь осенью поднести Вам свою книгу рассказов «Сэр Генри и чорт», которая должна выйти в Берлине, в издательстве писателей. Здесь Вас помнят и любят. Москва ждет Волошину. Он не должен обмануть ее ожиданий. Москва — изумительный город. Десятки салонов работают на пользу отечественной поэзии. Сотни поэтов и такое же количество поэтов, вооруженных до зубов всеми усовершенствованными стихотворной техники, в затылок читают зловецкие стихи. Правительство, при восторженной поддержке армии, флота и вооруженного населения, с минуты на минуту готово объявить поэтов вне закона. Москва ждет Вас. Старые мастера нужны Москве. Приезжайте. В Охотном ряду в рыбных магазинах висят громадными бревнами фантастические осетры, которые сочатся и благоухают. Винторгправление за небольшую плату отпускает желающим неплохое грузинское вино. В пивных подают очаровательное пиво, черное и белое, окруженное тарелочками с мокрым горохом, тонко нарезанной «глупой» воблой воображения и сухариками. На мраморных столиках, покрытых пивной влагой и пеной, покоятся локти лучших и интереснейших людей современности. Приезжайте! Пишите мне, я очень хочу иметь от Вас весть о себе.

Примите привет и братство.

Валентин Катаев.

14 июня 1923 г.

Москва

Чистые пруды.

Монетчиков 4, кв.261».

Комментарии здесь, думается, излишни. Книжка Катаева в Берлине действительно вышла в том же году — но в волошинской библиотеке ее нет. Может быть, украли, но скорее всего «порыв» Катаева (не в пивной ли?) прошел, и он раздумал посылать ее Волошину. Тем более, что и тот вряд ли отозвался на гастрономический апофеоз Катаева: в Крыму, недавно пережившем страшный голод, он звучал, очевидно, просто дико...

В 1924 году поэт навещил Москву, но о встрече с Катаевым нет ни одного упоминания: ни в записной, ни в адресной книжке Волошина, ни в его письмах. Нет таковых и в позднейших мемуарах бывшего одессита.

Всего два раза и сколько упомянул В. Катаев Волошина в своих писаниях. В 1970 г. в книжечке о В. Ленине «Маленькая железная дверь в стене» упомянуты «наши русские символисты — Бальмонт, Брюсов, Макс Волошин и прочие» — считавшие «своей священной обязанностью» сидеть в парижских кафе, — где, к слову, абсент «тошнотворного вкуса», а от газовых рожков, оказывается, лысеют!

Другой раз, публикуя «Семь сонетов из юношеской тетради» (1917 и 1920 гг.), Катаев предуведомил читателей, что написал их в свое время «под влиянием стихов М. Волошина» («Советская культура», 1 января 1985).

На мое письмо (в конце 1970-х) с вопросами об одесских встречах с Волошиным мэтр не ответил.

Бунин катаевским энтузиазмом перед большевиками).

Еще 16 ноября 1918 г. в одесском еженедельнике «Огоньки» Катаев так, в самом белогвардейском духе, отзывался о «Двенадцати» Блока: «Я не мог, я не хотел верить, что тот Блок, который пел о «прекрасной даме в сиянии красных лампад» и «о всех погибших в чужом краю», стал в угоду оголтелому московскому демосу петь похабные частушки:

«Ванька с Катькой —

в кабаке...

У ней керенки есть в чулке...»

Мне стыдно и гадко цитировать еще эту поразительно безграмотную похабщину. (...) Для человека мало-мальски знакомого с народом, с его песнями, конечно видно, что народный стиль и не ночевал в этой убогой и грубо, поддельно-народной поэме. Мне стыдно и гадко писать о том, что к сотне позорных, дубовых и пустых по смыслу стихов приплетен для чего-то Христос! Это считаю полным падением, полной гражданской и литературной смертью и величайшим издевательством» (Валентин Катаев. «Скифы» и «Двенадцать». О новых поэмах Блока. «Огоньки». 16(3) ноября 1918 г. №27, с.11).

Причина столь разительного перерождения Катаева с приходом красных была вполне очевидна знавшим молодого литератора. Вера Николаевна Бунина, в свою очередь описав в дневнике скандал 11 апреля, заканчивала: «Говорят, подоплека этого такова: во-первых, боязнь за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами, а во-вторых, им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало переподает...» (Уста-

В чем же дело? Откуда столь резкая реакция у недавнего офицера, более того — добровольца? («Давно ли он разгуливал в добровольческих погонах!» — возмущался 24 апреля 1919 г. тот же

«Заседание (в Художественном кружке) журналистов, писателей, поэтов и поэтов, тоже «по организации профессионального союза». Очень людно, много публики и всяких пишущих, «старых» и молодых. Волошин бежит, сияет, хочет говорить о том, что нужно и пишущим объединиться в цех. Потом, в своей накидке и с висюлькой за плечом шляпой (...), быстро и грациозно, мелкими шажками выходит на эстраду: «Товарищи!» Но тут тотчас же поднимается дикий крик и свист: буйно начинает скандалить орава молодых поэтов, занявших всю заднюю часть эстрады: «Долой! К черту старых, обветшалых писак! Клянемся умереть за советскую власть!» Особенно бесчинствуют Катаев, Багрицкий, Олеша. Затем вся орава «в знак протеста» покидает зал. Волошин бежит за ними — «они нас не понимают, надо объясниться!» (И. Бунин. Собрание сочинений в 9 томах. Том 9. М., 1967, с.429).

В чем же дело? Откуда столь резкая реакция у недавнего офицера, более того — добровольца? («Давно ли он разгуливал в добровольческих погонах!» — возмущался 24 апреля 1919 г. тот же

Катаев Валентин

13.4.95